

Илья ЗАЙЦЕВ

«ВОЛЬНАЯ ГРАМОТА» ТУРЕЦКОГО СУЛТАНА «НЕКОЕМУ РУСИНУ»

Текст публикуемого документа сохранился в четырех списках конца XVI-XVII в.:

1) список в составе сборника собрания И.Е. Забелина (*ОР ГИМ. Собр. И.Е. Забелина. № 419. Л. 94*). Видимо, наиболее ранний; дефектный, сохранилась только концовка со слов «или преиначити» (далее - 3);

2) список в составе сборника Синодального собрания - вклад патриарха Никона в Иерусалимский монастырь (*ОР ГИМ. № 272. Л. 403. Об. 404; далее - Н*). К.В. Базилевич, кратко остановившись на рукописи Синодального собрания, писал, что этот документ - «неисправный список турецкой отпускной грамоты неизвестному "русскому"» [*Базилевич, 1948. С. 30-31*];

3) в составе сборника из собрания А.Н. Попова, хранящегося в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (*ОР РГБ. Ф. 326. Шифр 59, на корешке - № 2521. Л. 134-134 об.; далее - П*);

4) в составе сборника из собрания МГА МИД в Российском государственном архиве древних актов (*РГАДА. Ф. 181 (Рукописный отдел МГА МИД). Д. 591. Л. 785 об.-786; далее - Р*).

Приводим текст этого документа по списку Н с разночтениями по 3, П и Р.

/Л. 403об./ «Турецкий царь Богатур даль свою волную грамоту некоему русину и в ней пишеть: Всесилнаго Бога волею, иже (*В П и Р - иже*) попустивше намь о(т) себе царствовати (*В Р - царьствовати*) и вжеле намь /л. 404/ силу же [230] аще хотим ко благоугодию земли, к потребе людем и вся (*В П и Р далее - жя*) мнящихся силою преодолевати неким бесчинствием сия и в чину устроить и в мирение (*В П - смирение*) приводити и грешных во спасение и неправедных в правду обращати должны есмя (*В Р - еси мя*).

Аз убо силы находец об(ь)ять Божию волею Богатур (*В П - Бгатур*) царь таковыя (*В П - тавыя*) ради вины дошел в наших летех нашего подлежания людей некоего (*В Р - некоего*) русина имярек (имярек написано красными чернилами), приведена в нашу землю и нашего счастливаго порока дошел и наше лице видел. Таго (*В П и Р - того*) ради на праве судихом ему еще и на прочая дни работному игу подлежати. Такъ же ему волю даем итти на все концы земныя (*В*

П - земные), а мож (*В П - може*) похочеть никому (*В П - некому*) сего причинити (*В П - пречинити*) или преиначити не ради наша (*В З - наша*) кротости, но ради праведнаго суда (*В З - соула*), уставленаго (*В П - уставленнаго, в З - оуставленаго*) праведнымь Богом.

Писана в Турцех уложением вся земля туретикия (*В П - турецкие; в Р - турецкия*). Повелено (*В П - повеленно*) словом Сунул-бех салтановым (*В З - Писана в Тоурцехъ оуложениемъ вся земли тоурецкие. Повеленно словомъ Соуноуль бех салтановымъ*)».

Все четыре списка текста сохранились в сборниках близкого содержания: во всех них присутствует ярлык Ахмата¹, шертная грамота Исаила, запись о поимке в поле казанских гонцов в 1549 г. и текст перехваченного «ярлыка»², с которыми наш текст составляет как бы единый комплекс.

Перед нами, похоже, формуляр «вольной» грамоты, данной османским падишахом некоему русскому. Документ освобождает получившего его от «работного ига», т. е. является отпускной рабу.

Хорошо известно, какую роль играли рабы в экономике и социальном строе Османской империи. Одним из источников поступления рабов в Османскую империю был Крым, османские порты-крепости на его южном берегу (прежде всего Кафа), а также Азак, Копя, Тамань. Там продавали невольников, захваченных крымцами в набегах на польские, литовские и московские «украины», купленных в Черкесии или Хаджи-Тархане, который также был крупным центром работорговли³. Каждая военная экспедиция крымских ханов пополняла невольничьи рынки Кафы, а затем и Стамбула⁴.

Существуют ли свидетельства отпуска рабов на свободу в Крыму или Османской империи? По сведениям Сигизмунда Герберштейна, пленники в Крыму были «принуждены служить рабами шесть лет подряд, по истечении которых они делаются свободными, но не могут удаляться из страны» [*Герберштейн, 1988. С. 151*]. Михалон Литвин писал о крымских татарах: «С рабами, которых они имеют только из чужих стран, они обходятся справедливо. И хотя они ими добыты в сражении или [приобретены] за деньги, однако более семи лет их не держат [в неволе]. Так предначертано в Священном Писании, Исход, 21» [*Литвин, 1994. С. 89*]. Конкретные случаи подобных отпусков (они, безусловно, имели место) в доступных источниках почти неизвестны. В.Е. Сыроечковскому удалось найти лишь одно упоминание о московском казаке⁵, который в 1525 г. «отработался» и получил свободу [*Сыроечковский, 1940. С. 16 (со ссылкой на [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 6, л. 71 об., 78]); Хорошкевич, 2001. С. 223*]. В крымских и османских источниках этого времени подобной информации, по-видимому, не содержится. Единственное сообщение, близкое све-

дениям австрийского автора и литовского дипломата, - упоминание венецианского посланника в Стамбуле Дживованни Карраро (1578 г.) о том, что константинопольские христиане отпускали своих рабов на свободу через 7 лет [*Lamansky, 1884. С. 380-383*]; *цит. по [Бережков, 1888. С. 359]*⁶.

Кажется, в источниках все же можно найти косвенное подтверждение тому, что раба могли отпустить из неволи через 6-7 лет. В 7133 г. (1625 г.) ливенский боярский сын Лаврентий Сергеев был отправлен с отписками к оскольскому воеводе. На полпути между Ливнами и Осколом в Савинском лесу он был захвачен татарами, сведен в Кафу, где продан «торговому турченину». Тот взял Сергеева за море в город «Холяв» (т. е. Халеб-Алеппо), где раб жил два года. Оттуда он «ушел» в г. Кесарию, где два года служил «торговому греченину», затем полгода Сергеев служил митрополиту Савве в г. Анбаре, после чего полгода жил в г. «Якбозаре». Всего он пробыл в Османской империи шесть лет.

В 7139 г. Сергеев с неким «волошенином» ушел в «волосскую землю» (т. е. в Валахию), а потом через Каменец, Константинов и Прилуки прибыл в Путивль [*Оглоблин, 1885. С. 380*]. В источнике как будто не говорится, что Сергеев бежал; вероятно, он был отпущен, «отработавшись».

Быть может, как-то связано с этим сообщением С. Герберштейна османское законоположение о таможенных сборах с поступавших рабов: если в Азаке к 1511 г. раб оставался в чьем-либо владении в течение трех лет, то за него следовало уплатить так называемый «обычный налог» (*resm-i mukatfer*), которым облагались при продаже все рабы старше того возраста, когда появляются и вырастают зубы (т. е. 6-7 лет). Он равнялся 200 османским акче и собирался непосредственно в султанскую казну [*Inalcik, 1996. С. 146*]. Двойная выплата (за два срока по три года, т. е. через шесть лет) могла делать содержание раба невыгодным, и его отпускали.

Однако в более поздний период находятся непосредственные подтверждения словам С. Герберштейна. Например, Иван Быховец в так называемом «Дневнике» (1704 г.), повествующем о крымских событиях, пишет: «Невольники, выслужився и свободные листы имея, просили воли на Русь. О тех предлагал я дважды, отказал везир: в книгах наших написано: на волю невольников пускати, но ис Крыму не пускати, пусть тут живут, ибо по таляру с них в год дани берут» [*Быховец, 1930. С. 205*]. Чрезвычайно интересно и сообщение его современника Ивана Лукьянова: «Турки милостивее греков, и жида нравами лучше их; невольник у турка в седьмь лет отживется, а умер турчин, так хошь и в год свободится; и у жида также в семь лет - так и свобода; а у грек

хощь сам издохнет, а на волю не пустит; таковы греки милостивы» [*Лукиянов, 1866, стб. 211*]⁷.

Действительно, освобождение раба хозяином в Османской империи в XVI-XVII вв. - дело вполне обыкновенное, но только в случае, если раб принимал ислам. Например, во всех зафиксированных случаях освобождения рабов на Османском Кипре за период 1590-1640 гг. все вольноотпущенники были (судя по именослову) мусульманами. В этот период из 44 кипрских рабов, чью национальность можно определить по документам, половину составляли чернокожие. Среди оставшихся 22 русинами были 9 - 5 мужчин и 4 женщины [*Jennings, 1987. С. 298, 295*]. В идеале принятие новой религии автоматически давало свободу, но на деле все зависело от владельца раба [*Хензель, 1979. С. 157*]. Положения Корана о рабах в данном случае позволяли трактовать освобождение довольно широко и, что самое главное, оставляли право выбора за хозяином⁸. Нередко несомненные мусульмане числятся в документах рабами: некий казак⁹ по имени Аллахверди (**), безусловно, принявший ислам в плену, ценою 2400 османи упомянут в перечне доли имущества, отошедшей после смерти в Бахчисарае некоего Кенан-бея его сыну Омеру в раджабе 1017 г.х. (11.10.-09.11.1608 г.) [*Выписи, 1889, факсимильная вклейка I. С. 42*]¹⁰. Часто мусульманам приходилось доказывать, что они мусульмане, а значит, не могут быть рабами. Так, в 1018 г.х. (06.04.1609-25.02.1610 г.) крымский хан Селямет-Гирей (1608-1610) выдал ярлык некой служительнице гарема по имени Шахземан в подтверждение того, что она не раба. Шахземан с помощью свидетелей доказала, что ее отец был мусульманином, а значит, никто не может называть ее рабой и дело в шариатском суде по этому поводу не может быть возбуждено [*Выписи, 1890. С. 68-69*].

Естественно, что принявшие ислам весьма редко отступались от него впоследствии. Хорошо известны случаи, когда «побасурманившиеся» (или «потурчившиеся», как их называли, т. е. принявшие ислам) рабы отказывались возвращаться в лоно христианства, а стало быть, и назад, на бывшую родину [*Крымский, 1930. С. 14-17*]. К тому же формальное освобождение не всегда означало прекращение зависимости.

В крымских кadiaскерских книгах сохранились отпускные рабам-документальные подтверждения существовавшей практики. Например, хан Селямет-Гирей дал свободу служителю гарема по имени Махмудага. Преемник Селямета, его племянник Джанибек-Гирей (1610-1622) после своего вступления на престол в шабане 1019 г.х. (19.10.-16.11.1610 г.) в Бахчисарае подтвердил освобождение («Мы дали ему свободу в угод у Богу»). Рабу был выдан освободительный

лист, о чем было сообщено кадиаскеру, чтобы последний сделал об этом запись в книге [*Выписи, 1890а. С. 74*].

По крымским документам известны прецеденты выкупа раба за его собственные деньги. Одна из таких историй имела место в ханстве, например, в начале зулькада 1017 г.х. (середина февраля 1609 г.). Некий раб «по имени Киван - высокого роста, с серыми глазами, бледной кожей, родом из валахов» (***)¹² - после смерти своей хозяйки (Мелек Бикеч - ***)¹³, за которой остался долг в 60 флоринов (***)¹³, был удержан хакимом (шариатским судьей) в счет долга. Впоследствии его оценили в 40 флоринов, и он был передан верительнице для уплаты долга. Киван испросил разрешение на так называемый китабет (***) - запись; в данном случае - договор, по которому раб обязуется перед хозяином добыть оговоренную сумму для своего выкупа на стороне в течение известного времени, а выплатив ее, он становился свободным) и стал таким образом мукатибом (***) - т. е. в данном случае отпущенным под такую запись). Киван смог выплатить указанные 40 флоринов в срок, и ему было выписано освобождение (***)¹⁴. Сумма в 40 флоринов, судя по другим документам, довольно обычна для раба. В первых числах рамазана 1017 г.х. (середина декабря 1608 г.) имущество упомянутой Мелек Бикеч было разделено по решению шариатского суда. После ее смерти (помимо уже известного нам Кивана, отпущенного зарабатывать деньги на свой выкуп) осталось несколько рабов: некий Тылмач (***), ценой в 25 хасене¹⁵; Хайдар с женой (***), оцененные в 35 хасене, Джафер¹⁶ (30 хасене) и Байгельды с женой и малолетним сыном¹⁷ (***)¹⁷, общей стоимостью 60 хасене [*Выписи, 1889. С. 46, факсимиле 5*]¹⁸.

Московское правительство выкупало пленнных через послов. Специальное постановление Стоглавого собора (1551 г., 66-я глава «Об искуплении пленных») гласило, что полоняников, «которых окупят царевы послы в ордах, во Цареграде, или в Крыму, или в Казани, или в Азсторохани, или в Кафе, или сами окупятся, и тех всех пленных окупати из царевы казны» [*Макарьевский, 1912. С. 104; Шмидт, 1961, [236] с. 32; Pelenski, 1974. С. 245, 246; Макаров, 1981. С. 11; Емченко, 2000. С. 374; Мельников, 1993*]. В некоторых изданиях Стоглава в этой главе Астрахань, Казань и Кафа опущены: упоминаются только пленные, «которых откупят царевы послы в Ордах и в Цареграде, и в Крыму, или где-нибудь в дальних ордах от поганных из плена, и тех всех окупати из царевы казны...» [*Стоглав, 1863. С. 224*]. Выкупали пленных и родственники, причем лица, приезжавшие для этого в Крым, пользовались привилегиями и правами купцов [*Шмидт, 1961. С. 33*]. Вероятно, именно о таких выкупленных невольниках писал А. Дженкинсон: он встретил на Каспии судно с 25 русскими рабами,

возвращавшимися из плена, они «долго были в рабстве в Татарии» [*Английские, 1938. С. 186*].

Практиковался и выкуп пленных ради получения еще большего выкупа с родственников. В июле 1551 г. мирза Исмаил писал в Москву о некоем Юрии, которого астраханский хан Ямгурчи, «купив, хотел его в Бухары продать. И яз затем, чтоб его... не продали, откупил его. А он бил челом, чтоб я его откупил, а ялся дати за себя откупу двесте рублей». Исмаил отдал за него двух человек, трех коней, верблюда и кунью шубу. В результате Юрий бежал с пятью конями. Исмаил просил возместить убытки в Москве [*РГАДА, ф. 127, оп. 1, д. 4, л. 54 об.*].

Из этого сообщения весьма, конечно, приблизительно, можно выяснить цену знатного раба - бывшего дипломата или купца (все зависело от конкретного человека; к тому же Исмаил явно завышал размеры потраченной им суммы)¹⁹.

Если практика отпуска рабов на волю в Османской империи существовала, то конкретные случаи отпуска должны были быть как-то документально оформлены. Безусловно, подобные отпускные составлялись по реально существовавшему формуляру. Сборники формуляров официальных бумаг составлялись как на Руси, так и в Османской империи, сефевидском Иране и др. Их целью было практическое руководство при написании схожих документов. Так, например, формулярники с образцами посланий высших церковных иерархов начали составляться в московском митрополичьем доме в конце XV в. Образцами формуляров служили конкретные тексты писем известных церковных публицистов или высших иерархов. Такие формуляры использовались в практике написания новых посланий [*Черепнин, 1951, с. 20-25; Зимин, 1958, с. 81-82*].

Знакомство с образцами официальной документации, представленными в османских «Инша» [*Matuz, 1969. С. 574-594*], убеждает, что источником нашего текста были совсем не они. Очевидно, что «грамота» не имеет ничего общего с подлинными документами османского двора. Однако терминология текста свидетельствует о знакомстве его автора с этими документами (точнее, с их русскими переводами), а также с делопроизводственной терминологией джучидских канцелярий. Рассмотрим некоторые из этих терминологических параллелей.

Публикуемый текст

Параллели в дипломатической документации

«Силы находец»

«Силы находца...»²⁰

«Всесилного Бога волею»

«Вышняго Бога волею»²¹

«Божиим велением»²²

«и нашего счаслива- «до нас и до наших счастливых а
го порока дошел и наше высоких дверей дошол»²³
лице видел»

«лице... его видел»²⁴

Особого внимания заслуживает наименование публикуемого текста («вольная грамота»). В принципе оно не противоречит названиям отпускных грамот, какие мы встречаем в источниках. Так, украинец Иван Быховец в своем «Дневнике» (1704 г.) называет их «свободные листы» [*Быховец, 1930. С. 205*], а москвич священник Иван Лукьянов в описании паломничества к Святой земле (1701 г.) - «вольные листы»²⁵.

Однако при наличии правдоподобных оборотов текст изобилует явно вымышленными или искаженными деталями, имеющими параллели в некоторых литературных памятниках.

Публикуемый текст

Параллели в других памятниках

«... Сунул-бех салтановым» «Маю Сулембеку Салтану царю...»²⁶

Совершенно фантастичен оборот «Писана в Турцех уложением всея земли туретцкия»²⁷. В документе турецкий султан назван разными именами. Отсутствие указания на дату составления акта может быть, конечно, объяснено его формулярным характером, однако даже в образцах деловых бумаг этот элемент обычно присутствует.

Перед нами не перевод подлинного формуляра османской отпускной рабу, а литературное произведение, созданное при этом не в Турции. Какова цель его создания? Явной цели как будто нет. Действительно, зачем умышленно создавать формуляр несуществующего документа, который был бы совершенно негоден для практического применения (как можно использовать формуляр султанской грамоты в другой стране? Только в качестве иллюстрации чего-то. Чего?).

Однако цель составления «грамоты», быть может и не явная, все-таки была. Текст проводит мысль о силе, данной государю свыше для того, чтобы он обращал ее «ко благоугодию земли, к потребе людем». Этой силой государь «устраивает в чину» бесчинствующих, приводит к спасению грешников, а неправедных обращает к правде. Основная идея документа - торжество праведного суда царя. При этом государь, который судит столь беспристрастно и праведно, - не христианин, а турецкий султан, т. е. мусульманин. Автор «вольной грамоты» создал произведение, в котором ощущается влияние так называемого «туркофильства», распространенного в XVI в. в Европе и на Арабском

Востоке: его отголоски можно встретить в это время и в Московской Руси [Егоров, 1907. С. 4-14; Крымский, 1910. С. 151-162; Иванов, 2001. С. 22-28].

Эти мысли весьма близки идеям, которые получили развитие в сочинениях И. Пересветова. Именно у него «царь Магмет-салтан турской... дал суд во все царство». Он говорит «сеитам своим и молнам, и пашам, и абызам: «Се есми праведен суд в царство се ввел...». Именно «Магмет-салтан полоняником учинил урок, доколе кому робить», «...дал им волю». Именно в сочинениях И. Пересветова перед «правдой» рушатся конфессиональные различия: «Бог не веру любит, правду» [Пересветов, 1956. С. 151, 152, 157, 181, 271]²⁸. Именно в произведениях московского публициста неоднократно звучит тема отпуска турецким султаном рабов на волю: «Магмет уставил иным царям после себе, от тех лет и до сих лет, а в своем царстве дал волно служите... Да велел пред себе книги принести полные и докладные да велел огнем пожещи и полоняником учинил урок: поколе кому робил, в семь лет выработался, и в силах девять лет, аще ли которого дорого купил, а чрез девять лет будет держати, и будет на него жалоба от полоняника, ино на такаваго опала царская и казнь смертная: не делай того, чего бог не любит, блюдися бога, что его бы не разгневити ни в чем, и помни заповедь цареву»²⁹. Завоевав Константинополь, Магмет отпускает пленных жителей и запрещает своим сподвижникам: «...ни пленити, ни в полон имати, ни иною которою враждою; аще кто повеления царева не слушает, тот злой смерти предан будет» [Пересветов, 1956. С. 146].

Султан, по И. Пересветову, «уставил правду и праведен суд, что бог любит». Только султан облечен такой властью. Магмет говорит своим пашам и сейидам: «Не приказал бог вельможам, ни воинникам давати власти судити праведного суда...» [Пересветов, 1956. С. 168, 169]. Магмет торжествует над Константином потому, что на его стороне правда. Царь Константин, который должен был «неверных к вере приводите» (ср. в нашем тексте: «мнящихся силою преодолевати некоим бесчинствием сия и в чину устроить и в мирение приводити и грешных во спасение и неправедных в правду обращати должны есмя»), но не делал этого и жил не по правде, проигрывает праведному Магмету.

Возможно, произведения И. Пересветова служили одним из источников составления нашей «грамоты» (или могли иметь с ней общий источник?). Именно в них представлено большое количество текстологических совпадений с рассматриваемым произведением.

Мне представляется возможным включить наш текст в круг так называемой литературы Посольского приказа [Каган, 1955; Каган,

1957; Каган, 1958; Каган, 1958а; Харламович, 1930]. При этом «грамота» отразила пересветовскую традицию в древнерусской литературе. В пользу нашего предположения говорит некоторое число полонизмов «вольной грамоты»: «попустивше» (от *poruszczać* - давать волю); «потреба» (*potrzeba* - необходимость, надобность, нужда); «об(ъ)ять» (от *objąć* - содержать в себе, вмещать); «подлежание» (от *podlegać* - повиноваться, подчиняться, зависеть); «сего причинити» (от *przyczynić się* - способствовать, содействовать); «преиначити» (*przeinaczyć* - изменить, извратить, переиначить); «установленаго» (от *ustawiać* - ставить, устанавливая). Полонизмы были характерны для значительного круга средневековой русской литературы, питавшейся в том числе и переводами с польского. Косвенным образом о возможном польском источнике текста свидетельствует и сам адресат грамоты - «некий русин». Русинами, как известно, назывались православные подданные польской короны, т. е. украинцы [Хензель, 1979. С. 153]³⁰.

КОММЕНТАРИИ

1. Этот документ, как видим, сохранился не в единственном списке, как пишет А.А. Горский [Горский, 2000. С. 198], а, как минимум, в четырех.

2. Об этой записи и ярлыке см. [Зайцев, 2000].

3. Хаджи-Тархан был крупным невольничьим рынком еще в XIV в. и продолжал им оставаться в дальнейшем, видимо, на всем протяжении своей истории, вплоть до русского завоевания. Рабы продавались не только для прикаспийских областей, но и в Крым и Казань. Об одном из пленных, афонском монахе Герасиме, пойманном татарами и проданном в Астрахань в конце XV в., а затем перепроданном в Казань, где его выкупили и вернули в Москву, писал в окружном послании митрополит Симон (1495-1505) [Акты, 1841. С. 146; Соловьев, 1960. С. 198]. Павел Иовий в шестой книге «Описания мужей, прославленных ученостью» (1545 г.) писал, что после похода крымского хана Мухаммед-Гирея на Москву летом 1521 г. пленных «москов» продавали «и в Таврии туркам, и в Цитрахе - разным обитателям берегов Каспийского моря» [Иовий, 1997. С. 354-355]. В описании этих событий Иовий следовал Сигизмунду Герберштейну. Бернанд Ваповский в своих хрониках упоминает лишь о продаже пленных в 1521 г. в Кафе [Wapowski, 1874. С. 184]. Русские пленные продолжали продаваться на рынках Астрахани и в самой середине XVI в. См. подробнее [Зайцев, 2001. С. 281-282].

4. О рабстве в Крыму см. [Литвин, 1994. С. 71-74; Бережков, 1888; Яшуржинский, 1912. С. 158-166; Крымский, 1930. С. 14-17; Гальцов, 1994. С. 71-75]. О рабстве в Османской империи существует огромная литература, частью ученная в указателе [Miller, 1985]. См. также названия [Новичев, 1978. С. 55-72; Dziubinski, 1963. С. 36-50; Fisher, 1972. С. 241-268; Inalcik, 1979. С. 25-52; Sahillioglu, 1985; Хензель, 1979. С. 147-158; Hensel, 1976. С. 161-169

(обе последние работы основаны на материалах неопубликованной докторской диссертации: *Hensel W.* *Jasyr z ziem dawnej Rzeczypospolitej na Krymie i w Turcji* (друга polowa XV-XVII w.). Warszawa, 1977); Jennings, 1987, p. 286-302]. О позднем периоде и отмене рабства см. [Toledano, 1982; Toledano, 1998] (где указана большая литература по теме). В крымско-татарском фольклоре осталось представление о Мальте как центре средиземноморской работорговли, куда, вероятно, попадали рабы из Крыма [Олесницкий, 1910. С. 21].

5. «Казак» в данном случае, вероятно, синоним раба-мужчины (в крымских документах).

6. О цифре 7 см. ниже.

7. Об И. Лукьянове и его произведении см. [Травников, 1987. С. 25-31]; а также [Словарь, 1993. С. 71].

8. «...Благочестие - кто уверовал в Аллаха... и давал имущество... и на рабов» (Сура 2, 172 (177)). «А те, которые хотят записи (о свободе), из тех, которыми овладели десницы ваши, - записывайте их, если знаете, что в них есть добро, и давайте им из достояния Аллаха то, что Он дал вам» (Сура 24, 33 (33)). См. также: Сура 58, 4 (3).

9. См. сноску 5.

10. Такая же цена была назначена за невинную девушку 12 лет, которая отошла вдове покойного.

11. См., например, [Султанов, 1986. С. 348].

12. Слово неясное. Должно было бы быть ***. Интересно отметить, что крымские татары позднее всех русских называли «Сары Иван», т.е. рыжий, русский Иван [Олесницкий, 1910. С. 60].

13. Флорин - золотая высокопробная монета весом 3,537 г, чеканившаяся с XIII в. во Флоренции, а с начала XIV в. появившаяся и в Германии, где стала называться «гульден». Один флорин в 1608 г. в Крыму равнялся 120 новым ханским акче (***). См. [Выписи, 1889, факсимильная вклейка I (IV). С. 44].

14. В переводе несомненная ошибка: эфляки - конечно, валах, а не поляк (было бы ***) (см. [Выписи, 1889. С. 47]). Переводчик этого худжета (раздела имущества) Мурат-Бей Биярсланов предполагал, что Киван - искаженное Иван [Выписи, 1889. С. 50].

15. Хасене (***) - название золотой монеты [Pakalin, 1949. С. 754].

16. Маловероятен перевод М.-Б. Биярсланова «атаман» Джафер. Скорее всего, это слово «комнатный» (прислужник) - ***.

17. Собственно, в тексте «с внуком».

18. Интересно сравнить эти цены с другими данными из тех же дефтеров бывшего архива Таврического губернского правления. В 1668 г. житель деревни Кара-Хаджи Абдуллатиф явился вместе с жителем Кара-су в присутствие кади и подал жалобу: «Я купил вот у этого Газы в Феррах-кермане, когда он был в обратном пути из похода, невольника-казака по имени Мартын за 30 золотых с тем условием, что следуемый в таких случаях его величеству хану саугат (пошлина) должен быть уплачен им, Газы» [Хартахай, 1867. С. 149].

19. В качестве выкупа за князя С.Ф. Бельского, который хотели получить с Москвы ногаи в 1538 г., также фигурировали рабы - 11 «паробков» [Польские книги, 1995. С. 209, 210]. Этот пункт вызвал особое возражение в

Москве: «И у нас того в обычае не живет, чтоб крестьян велети давати кому в окупу» [Посольские книги, 1995. С. 226, 228]. В Османской империи в конце XV в. цена на среднего раба колебалась от 25 до 50 золотых (золотой равнялся 50-60 акче). Османский таможенный сбор с рабов равнялся приблизительно одной пятой их общей рыночной стоимости (т. е. скорее всего соответствовал одной пятой части - хумс, положенной с добычи по шариату; так называемая доля имама). Учитывая, что общая сумма таможенной пошлины с рабов в Кафе в 1529 г. равнялась 650 000 акче (т. е. около 10 000 золотых, достигая, таким образом, 1/4 общей суммы таможенных сборов), общая их стоимость доходила до 50 000 золотых, а значит, число рабов, прошедших через Кафинскую таможню, составляло в этом году от 1 до 2 тыс. человек (см. [Inalcik, 1996. С. 145]). По данным А. Дзюбиньского, русский или польский невольник в Аккермане в XVI в. стоил 40-50 золотых [Dziubinski, 1963. С. 42]. Ср. с ценой рабов на рынке невольников (Esir pazan) в Стамбуле в начале XIX в. [Левашов, 1995. С. 42, 43; Невольничий, 1835. С. 469, 470]. Боплан называет огромное число рабов в Кафе - 30 000 (!) (см. [Niemcewicz, 1822. С. 362]).

20. См., например, переводы посланий (1534 г. и ел.) ногайского бия Саид-Ахмеда б. Мусы (Шейдяка): «Силы находца Сидрахмат княжое слово» (см. [Посольские книги, 1995. С. 92, 94, 156, а также с. 243, 249]). Ср. «Великие Орды великого царя силы находца и победителя Саадет-Гиреево царевое слово...» [РГАДА, ф. 123, оп. 1, д. 6, л. 204об., 332]. Часто выражение употребляется в переводах грамот Сахиб-Гирея (см. [РГАДА, Ф. 123. Оп. 1. Д. 7. Л. 5, 9 об., 70 об., 71 об., 72]) и Сафа-Гирея (там же. Л. 8, 74 об.). Скорее всего это выражение - перевод слова *kuwetli* (сильный, мощный, могучий). Между прочим, имя «Богатырь» в публикуемом тексте, очевидно, часть титула, принятого как имя. Ср., например: «Великие Орды великого царя победителя и силы находца богатырь Саадет-Гиреево царевое слово...» [РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 6. Л. 288 об.].

21. Списки (т. е. проекты, варианты) шерти Менгли-Гирея Ивану III 1474 г. [Сборник, 1884. С. 4, 5].

22. См. грамоты Ивана IV бию Саид-Ахмеду или мирзе Кель-Мухаммеду, написанные в 1536 г., судя по формуляру, по-татарски: «Божим велением великого государя... Слово наше то» [Посольские книги, 1995. С. 173, 174-175, 187; см. также С. 196, 197, 206, 297, 301]. Или, например, послание казанского хана Мухаммед-Амина крымскому Менгли-Гирею: «Вся сотворшаго Бога изволением...», «Божием изволением... царем ся есми учинил» [Сборник, 1884. С. 146].

23. Письмо султана Сулеймана Сигизмунду 1536 г. [Архив СПбФ ИРИ РАН. Русская секция. Коллекция С.В. Соловьева. Ф. 124. Оп. 1. Д. 27]. Перевод османского выражения для официального названия правительства (ведомства великого везира в султанском дворце) Османской империи - *Bab-i Ali* (***; или Паша капысы), т. е. Главные, Высочайшие Врата (иногда - *Bab-i Saadet*, т. е. Врата Счастья). От французского перевода этого названия впоследствии возник русский термин Порта. «Высокой Портой» до 1654 г. европейцы называли лишь султанский дворец, после - канцелярию великого везира. «Счастливый Порог» - калька османского *Dergah-i Ali* (***), или *Dergah-i Saadet*, т. е. Высочайший порог, высочайший чертог, порог счастья.

Это выражение (Счастливым порог) употреблялось даже турецкими чиновниками по отношению к Московскому государству в их письмах великим князьям. См., например, перевод письма азовского кади осени 1521 г. [РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 1, л. 193].

24. Менгли-Гирей Ивану III весной 1491 г. (см. [Сборник, 1884. С. 107]). «Видеть лицо» (***) - быть рядом, «лично видетъся (с высшим лицом), представиться» (см. [Будагов, 1871. С. 375]).

25. И. Лукьянов пишет о г. Тулча на Дунае: «В этом городе берут гарач (*т. е. харадж. - К.З.*) с человека по пяти талерей; а когда невольники идут на Русь с вольными листами, так с них берут турки в этом городку по червонному с человека кроме гарачу» [Лукьянов, 1866, стб. 169].

26. «Послание православного царя к турецкому» см. [Каган, 1956. С. 376]. Цитируемая «Повесть о двух посольствах» отразила в начале XVII в. взгляды И.С. Пересветова.

27. Этот оборот сходен с конечным протоколом посланий московских великих князей иноземным правителям: «писана на [Москве]... лета...» (о грамоте). Хотя близкие формулы встречаются, конечно, и в переводах ногайских, крымских или османских грамот (см., например, [Сборник, 1884. С. 109, 123, 147, 150, 155, 169, 172, 183, 188, 189 и др.]). См. подробнее [Усманов, 1979. С. 256-266].

28. Об этом авторе см. также [Ржига, 1908; Полосин, 1946; Розалиева, 1990].

29. В другом списке: «А полоняником учинил урок, доколе кому робить, в семь лет выробится, и в силах девять лет» [Пересветов, 1956. С. 270]. В примечаниях А.А. Зимина к этому отрывку указывается, что срок в 7 или 9 лет для зависимых людей неизвестен в русской практике. А.Л. Сакетти считал, что цифра 7 взята И.С. Пересветовым из Библии [Пересветов, 1956. С. 291; Зимин, 1958. С. 387]. Действительно, именно библейский текст (Исход XXI, 2, а также Второзаконие XV, 12) - «аще стяжеша раба еврейна, шесть лет да работает тебе, в седмое же лета отпустиши его свобода туне» - возможно, был источником для московского публициста. А.И. Клибанов считал, что И.С. Пересветов сознательно использовал мотив «фараонова ига», обращаясь к практике социального законодательства Ветхого Завета (освобождение от зависимости в так называемые «юбилейные годы»), так как он не мог не знать, что освобождению после шести лет работы (на седьмой) подлежали, согласно Ветхому Завету, не полоняники. Пророк Иеремия, обращаясь к верхам Израиля, говорил: «Як ся скончает 7 лет да пустиши брата своего жидовина, еже продан ея в тебе. Да ти делает шесть лет и да отпустиши и свободу» [Клибанов, 1977. С. 233-234]. Вспомним о шести годах, которые, по С. Герберштейну, должен отработать в Крыму пленник. Может быть, именно османская (крымская?) практика отработки свободы рабом была в данном случае источником Пересветова?

30. В османских документах рабы-русины назывались либо рус, либо рус-и асл (см. [Jennings, 1987. С. 294-295]).

Источник: «Вольная грамота» турецкого султана «некому русину» // Тюркологический сборник, 2002. М.: Восточная литература. 2003. С. 230-241.